

Марина Хилькевич

МАРК ГРИГОРЬЕВИЧ, вы иногда ощущаете себя в своем театре Карабасом? Приходится дергать за ниточки или дергают вас?

— За ниточки обычно дергают марионеток. Я горячий сторонник и приверженец русской театральной школы, школы переживания. А актер-марионетка — это что-то недоброкачественное, формализованное, может быть, технологичное, но обездушенное.

В нашем театре таких артистов нет и быть не может. Но это совсем не значит, что я как режиссер-постановщик и руководитель не влияю на то, что происходит на сцене. Первейшая моя обязанность — это навязывать, я подчеркиваю, навязывать свою художественную волю.

— Значит, вы в какой-то степени являетесь эгоистом?

— Каждый художник не столько эгоист, сколько эгоцентрист. В какой мере я эгоист — судить не мне, но это, конечно, присутствует в творчестве и многое в нем определяет. Я, конечно, не только издаю приказы и повышаю голос, являясь с виду каким-то «диктатором». Да, иногда такие моменты бывают на репетиции, но это крайняя мера. Это всегда очень болезненно и свидетельствует об отсутствии единства между актером и режиссером. Станиславский говорил, что настоящему актеру ничего нельзя приказывать, его можно только увлечь. Взаимная увлеченность требует не послушного, а слушающего актера, который тебя слышит. Конечно, бывает четкий рисунок роли и ему надо неукоснительно следовать, тогда все делается благодаря доверию к режиссеру. И это доверие я могу только заслужить. Тут ведь не армия и не учреждение. Здесь важно раскрытие артиста, и в этом состоит моя задача. Часто бывает, что сам-то он не очень представляет свое я. С одной стороны, он раб своих амбиций, самоуверенности, а с другой — необходимо его освободить мышечно и интеллектуально. И только в этом случае мы получаем творца, который импровизирует, живет в роли. Опять сошлюсь на Станиславского: «Этика переплетается с эстетикой». Прекрасен на сцене тот, кто легок и свободен.

— У многих режиссеров, например у Галины Борисовны Волчек, есть актеры, через которых они, режиссеры, могут самовыразиться. У вас есть такие?

— Я не хочу показаться слишком уж залихватским, но у меня в труппе все артисты именно такие.

Если кто-то не соответствует этому, то я с ним просто не могу работать. Это приводит к конфликту. Хотя театр вообще-то вещь небесконфликтная. К счастью, артисты, работающие в театре «У Никитских ворот», уникальны своими творческими индивидуальностями. У нас нет интриг, нет раскола.

— Но это же присутствует во всех труппах в большей или меньшей степени. Разве не так?

— У нас — нет, и это наша общая заслуга, так как наш театр имеет студийную первооснову, мы прошли огни и воды, хотя медные трубы славы для нас не прозвучали и по сей день. У нас нет звезд, зато есть мастера. В это слово я вкладываю очень высокий смысл, для меня это высшая ценность.

— А что означает для вас понятие «звезда»?

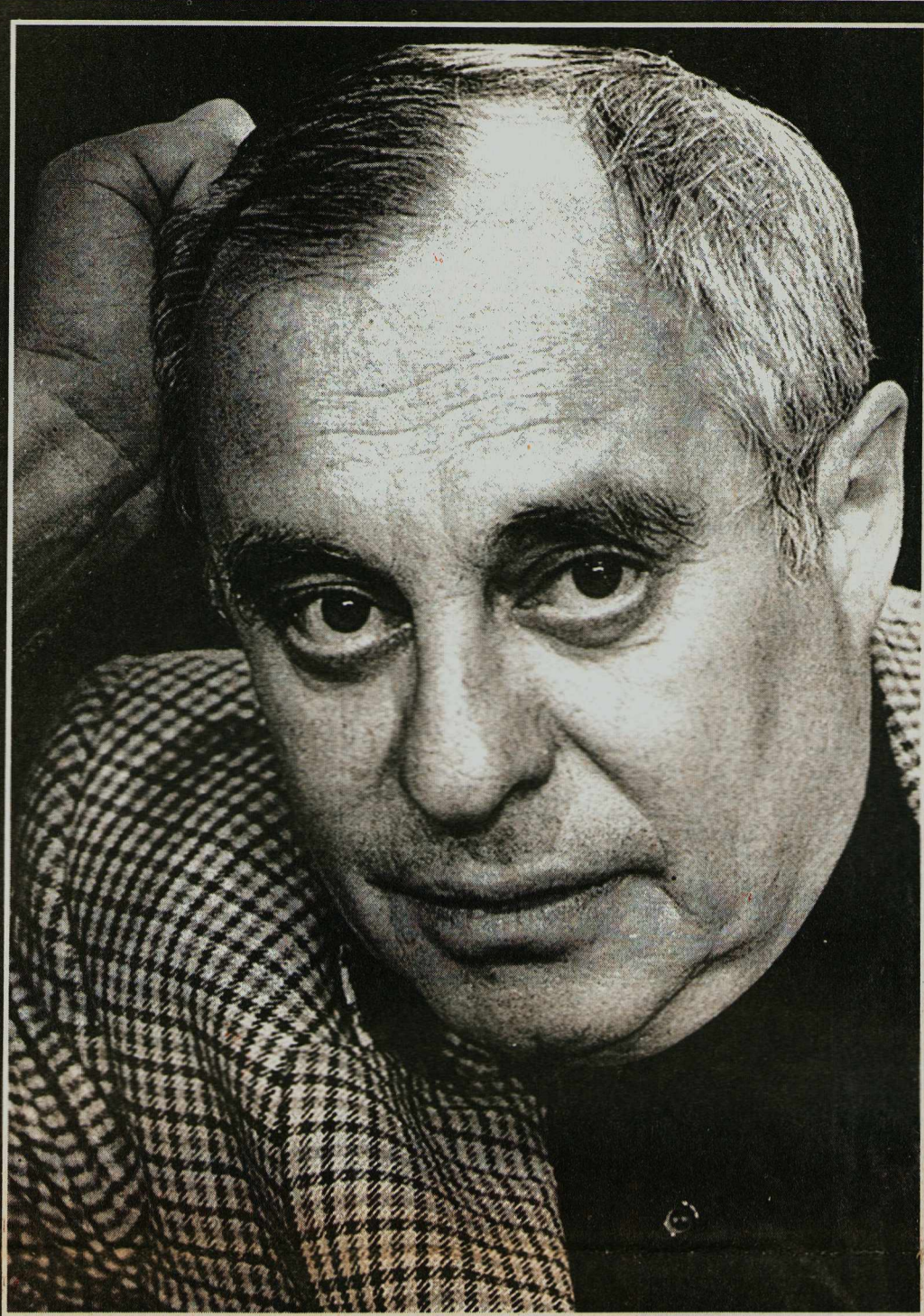
— Здесь главное — слава, популярность, но отнюдь не мастерство, как подтвердил опыт последних лет. Очень много появилось звезд, светящихся за большие деньги. Таких я бы в свой театр не принял — просто по профнепригодности. Этот убийственно звучащий термин именно сейчас очень важен в нашей профессии. Мы ведь начинали как кружок любителей. (Улыбается.) Да ведь и МХАТ начинался с кружка людей, говоря в шутку, не закончивших Школу-студию МХАТА. Так что это и хорошо и плохо. Сначала, когда мы начинали, чувствовался определенный непрофессионализм и дилетантизм.

— Скажите, Марк Григорьевич, а в себе вы это чувствуете? Вы ведь тоже по профессии журналист, а не режиссер?

— Когда-то Мейерхольд сказал, что будущее театра принадлежит дилетантам. Я бы имел нескромность добавить, что будущее театра принадлежит дилетантам, в полной мере овладевшим профессионализмом.

Если я не прав, то посмотрите нашу афишу, наши спектакли. У нас мощнейшая труппа, которая решает сложнейшие художественные задачи.

— Насколько вы свободны в определении этих творческих задач? — Смотря что понимать под словом «свобода».

Марк Розовский.
Фото Артемия Житенева (НГ-фото)

ОЧЕНЬ ДОБРЫЙ ТЕРМИНАТОР

Режиссер Марк Розовский убежден, что прекрасен на сцене тот, кто легок и свободен

— А вы что понимаете под этим словом?

— Свобода — это свобода служения вышнему, то есть такая свобода, в основе которой лежат три момента: ответственность, культура и чувство жизни.

— У вас все это есть?

— Вы меня ставите в неловкое положение. Об этом надо спрашивать не меня. За меня пусть ответит мой театр, мои опусы, мои попытки художественного выражения самого себя через театральное действие.

— Марк Григорьевич, а как вы обходите пошлость и «чернуху» нашей жизни? Ведь элементы секса и легкая эротика присутствуют во многих ваших спектаклях...

— В искусстве нет ничего запретного, но, к сожалению, жизнь вокруг нас полна пошлости, вот мы и воспроизводим ее в некоторых образах, но это совсем не значит, что мы сами пошляки. Мы их показываем. Вот спектакль «Роман о девочках» Владимира Высоцкого — это история любви проститутки и вора, бродячий сюжет мировой литературы. Высоцкий эту историю погрузил в нашу совковую действительность с ее пошлыми проявлениями: пионерскими лагерями, родителями, школой, дворовым и коммунальным бытом.

— Но не каждый же зритель это поймет именно так.

— Как раз каждый это понимает именно так. Иначе спектакль не имел бы такого успеха и воздействия на зрительскую душу. Суть-то этой истории в том, что любовь прорывается через пошлость, и драма взаимоотношений этих главных героев строится на том, что в конце концов они побеждают, пусть не сюжетно. В душе зрителя происходит торжество любви. Героям сочувствуют, не

смотря на жуткие изломы их судеб. Поэтому искусство и взывает к человечности и чистоте. Искусство не бывает аморальным. Аморальна грязь — объект искусства.

— А что вы не любите, презираете в театре?

— Я презираю все то, что мне кажется наносным в театральной жизни: всевозможные премии, игры, раздачу словов, организованный успех, от которого меня тошнит. У Саши Черного в стихотворении «Памяти Чехова» сказано: «В наши дни трехмесячных успехов...» Это очень точно — «трехмесячные успехи», с огромными деньгами на раскрутку, с критиками, испоганившими себя ангажированностью, прямым «обслуживанием» творцов.

— Вы далеки от этого?

— Мы не нужны никому, кроме публики. У нас есть спектакли, идущие по 500 раз и не имеющие ни одной рецензии. А вы посмотрите, как их принимает публика. Нас замалчивают. Много «упоминашек», информативной рекламы, а главного нет. Анализа нет. Нет распознавания того, что сделано и делается в театре «У Никитских ворот».

— А с чем, на ваш взгляд, это связано?

— Этот вопрос не ко мне, я делаю свое дело. Конечно, у меня есть ответ, но лучше я помолчу.

Когда выходят десятки рецензий, где написано о спектаклях, которые не удались, — из этого, кроме шума и скандала, ничего не получается. Это по-прежнему: «Шумим, братец, шумим».

У меня полный зрительный зал, и, в сущности, этого вполне достаточно. Как только к нам перестанет ходить зритель, я взвою. Да, я люблю полный театр, он у меня для людей, а быть авангардистом в лошном журнале — это

не для меня. И если уж театр пошел авангардным путем, то это достигается только кровью и потом. У нас же часто вместо этого — поверхностный выпендрёж и псевдокарнавальное существование в пустоте, размешивание пустоты пустотой. Грош цена такому авангарду.

— Марк Григорьевич, вы стыдливый человек?

— Если человек не стыдлив, то он бесстыден. Стыд — это первый шаг к Богу и к своему внутреннему «я». Если человек не стыдится, то он лишен некоего внутреннего контролера, которого я и называю этим кратким словом с большой буквы. Нам всем воздастся, если мы сами будем стыдиться своих собственных ошибок и проступков.

— А если талантливый артист вашего театра ведет себя неподобающим образом, что делаете вы?

— Талант — это не наша заслуга. Он дается от Бога, поэтому его и называют Божиим даром. За талант льгот и привилегий не дают — поблагодари маму с папой за их генетику. От того же, как человек распоряжается своим талантом, и зависит его жизнь. Если он спускает свой талант в мусоропровод, это большой грех. Если он транжирит его, тратит на ерунду — это тоже очень опасно. Третий вариант — когда человек ответственно и свободно служит жизни с помощью своего таланта. И тогда получают классики. Это не красивые слова, это — правда.

Я никого не наказываю. За все годы я выгнал из театра только пьяниц, остальные отваливались сами, не выдерживая дисциплины, вообще нашего напряжения, то есть оказывались хотя и талантливыми, но — слабаками.

— Марк Григорьевич, а себя вы считаете талантливым человеком?

— Когда я начинаю работать, чувствую себя абсолютно бездарным, более того — испытываю дикий страх перед белым листом бумаги. Ужас ведь в том, что до нас этим же делом занимались несколько знакомых лиц (улыбается), которые точно так же сдились за письменный стол, и перед ними тоже был такой же чистый лист бумаги. Может, в тот момент и у них было не все хорошо на душе, и денег в тот момент у них в кошельке было немного... Но этот некто макал перышко в чернила и что-то такое черкал по белому листу. Только потом, через много лет, возникла другая некто, то есть мы — читатели, которые читали то, что было начеркано, и оказывалось, что это писал Чехов или Пушкин, а может, и Кафка. Мы все в этом смысле в равном положении.

— Скажите, а вы когда-нибудь влюбляетесь в своих актрис?

— Я — всегда. Если я не влюблен в актрису, если она мне не нравится, если она меня не зовёт и я ее не чувствую, то мне с ней очень трудно работать.

— Иногда в театрах существует определенный путь к ролям — через постель режиссера. Как вы на это смотрите?

— Конечно, что греха таить, иногда что-то возникало и случалось, но, слава Богу, никакой грязи по этой части в моей жизни допущено не было.

Были какие-то взрывы, которые ломали жизнь, приходилось что-то дальше менять, и это давалось очень тяжело и неприятно. Но это честный путь. И симпатия и нежность к актрисе мне кажутся естественной вещью. Мы ведь не учреждение, а семья в самом высоком смысле.

Театр — это дом. Все здесь привязаны друг ко другу, как и в любой другой семье. Эта условная система координат объясняет, почему молодому актеру или актрисе трудно сюда войти, адаптироваться. Поверьте, мои отношения с актрисами абсолютно чистые, и это совсем не значит, что я не вижу в них женщин. Это нормально, без патологии и сальности.

— Ваша жена (Татьяна Ревзина. — М.Х.) — директор театра. Это не мешает работе?

— В мои годы — уже не мешает. (Улыбается.) Известные сложности, конечно, имеются, но жизнь заставила принять это решение. Нельзя было обманывать дальше, и я поступил честно. Конечно, возникают моменты, когда это мешает, но в основе лежит то, что художественный руководитель должен доверять директору. Я имею, к сожалению, здесь некий отрицательный опыт. А Таня помогает не как жена, а как профессионал, которому я безгранично доверяю.

— Но она же до этого была музыкальным руководителем театра?

— Татьяна очень ответственна, она слышит меня, знает, как и что должно быть в театре. Татьяна выросла здесь как директор, но это совсем не значит, что она для меня неподконтрольна. Я требую отчетности. И имею отчетность.

— А вообще вы деспотичный руководитель?

— Я не деспотичный, но дощитный и вездливый, ибо это театр, созданный мной, и — что делать? — иногда приходится об этом напоминать. Но это совсем не деспотизм, а правильное ведение дела. Деспотизм связан с унижением и оскорблением актеров, а я своих актеров обожаю.

— В труппе, среди артистов, у вас не возникает проблем из-за работы с женой?

— Конечно, были кое-какие трения, но ведь, я повторяю, театр — дело не бесконфликтное, тут все должно быть только в его интересах, а никак не в интересах Розовского или директора. Мы ведь не самоутверждаемся друг перед другом. Я люблю не договоры, а договоренности. Они возникают не на бумаге, а от сердца к сердцу. Иногда приходится, натянув страшную маску, говорить голосом Терминатора: «Тихо, слушать мою команду. Будет так, а не иначе!»

— Вы вспыльчивы?

— Да, я вспыльчив, но отходчив. В труппе знают эту мою черту. Вспылю, а ровно через секунду подойду, скажу: «Прости, я просто не совладал с собой. Но ты же понимаешь, что по сути-то я прав». И тут мы расеемся вместе и повиснем друг на друге в общей любви и радости.

— Вы счастливый человек?

— Наверное, я счастлив, потому что у меня есть дело моей жизни. У меня хорошо дома, есть семья, есть дети, которые хоть и от разных жен, но все со мной и друг с другом в хороших отношениях.

— А каково это — иметь внуков много старше собственного сына?

— О, это большой кайф, очень большое счастье.

Кувалдинская газета. — 2000. — 13 мая. — с. 9